

А. Талич

Тесни

ГАЛИЧ Александр Аркадьевич (настоящая фамилия — Гинзбург). Драматург и поэт. Член Союза Советских Писателей.

Автор очень популярной в послевоенные годы комедии «Вас вызывает Таймыр» (написанной вместе с Константиновым). К 50-летию советской власти инсценировал для МХАТ-а рассказ И. Грековой «За проходной». После постановки этой пьесы, официальная пресса подвергла ее резкой критике.

Очень широко стал известен, особенно среди молодежи, своими стихами-песнями, которые никогда и нигде не были напечатаны (если не считать их стремительное распространение в Самиздате и в магнитофонной записи). Стихи-песни начал писать

А. Галич . ПЕСНИ

А. ГАЛИЧ

ПЕСНИ

Peter von Schlippe

EMCO

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

ПЕСНИ

ПОСЕВ

Обложка работы художника О. Соханевич

ПЕСНИ

*Скользит змея, в траве шурша,
И шепчет:*

— Тихе, птицы! Ша!

— Эге! — сказал я сам себе.

И повторило это:

— Э — Э!

— Лес, я подслушал речь твою!

И лес откликнулся:

ФЬЮ, ФЬЮ!

Всю азбуку запомнил я

От А до Я

От А до Я.

I

ВАЛЬСЫ

Золотойискатель

СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчиществу дань.
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль,
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере к этакой матери.
Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели. *-искали золота*
Промолчи, — попадешь в богачи!
Промолчи, промолчи, промолчи.

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а за.
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгинули смолоду...
А молчалыники вышли в начальники,
Потому, что молчание — золото.
Промолчи — попадешь в первачи!
Промолчи, промолчи, промолчи.

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маята,
Но под всеми словесными перлами

Проступает пятном немота.
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем — доходней молчание,
Потому, что молчание — золото.
Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть в палачи!
Промолчи, промолчи, промолчи...

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Баю-баю-баю-бай,
Ходи в петлю, ходи в рай,
Баю-баюшки-баю,
Хорошо ль тебе в раю?
Улетая — улетай,
Баю-баю-баю-бай,
Баю-бай!

Но и в рай мы не верим, нехристи.

Незрячим к чему приметы!

А утром пропавших без вести

Выводят на берег Леты.

Сидят пропавшие, греются,

Следят за речным приливом.

А что им, счастливым, грезится,

Не грезится им счастливым.

Баю-баю-баю-бай,
Забывая — забывай,
Баю-бай!

Идут им харчи казенные,
Завозят вино — погуливают,
Сидят палачи и казенные,
Поплевывают, покуривают.
Придавят бычок подошвою,

Зреть
зрши

verschollen
gerührt

И в тени от ветра вольного
Пропавшее наше прошлое
Спит под присмотром конвойного. *осрана*

Баю-баю-баю-бай,
Ходи в петлю, ходи в рай,
Гаркнет ворон на плетне:
Хорошо ль тебе в петле?
Помирая — помирай,
Баю-баю-баю-бай,
Баю-бай!

*воскресенья - конвоир из армянской
осрани лагеря*

ВАЛЬС, ПОСВЯЩЕННЫЙ УСТАВУ
КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Поколение обреченных,
Как недавно и, ах, как давно
Мы смешили смешливых девчонок,
На протырку ходили в кино.
Но задул сорок первого ветер,
Вот и стали мы взрослыми вдруг!
И вколачивал шкура-ефрейтор *шкурник*
В нас премудрость науки наук.
О, суконная прелесть устава!
И во сне позабыть не могли,
Что любое движенье направо
Начинается с левой ноги.

А потом в разноцветных нашивках
Принесли мы гвардейскую статью,
И женились на разных паршивках,
Чтобы все поскорей навестать.
И по площади Красной, шалея,
Мы шагали со славой на «ты»,
Улыбался нам Он с мавзолея,
И охрана бросала цветы.
Ах, как шаг мы печатали браво,
Как легко мы прощали долги!
Позабыв, что движенье направо
Начинается с левой ноги.

Что же вы присмирели, задиры?
Не такой нам мечтался удел.
Как пошли нас судить дезертиры,
Только пух, так сказать, полетел.
— Отвечай, солдат, как есть на духу!
Отвечай, солдат, как есть на духу!
Отвечай, солдат, как есть на духу!
Ты кончай, солдат, нести чепуху.
Что от Волги, мол, дошел до Белграда,
Не искал, мол, ни чинов, ни разживы,
Так чего же ты не помер, как надо,
Как положено тебе по ранжиру?

Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат:
— Ну, не вышло помереть, виноват.
Виноват, что я не помер от пули, *— Золушкой*
Пуля-дура, не в того угодила.
Это ж вроде, как с медалями в ПУРе,
Вот и пули на меня не хватило.

— Все морочишь нас, солдат, стариной,
Все морочишь нас, солдат, стариной,
Все морочишь нас, солдат, стариной!
Бьешь на жалость, гражданин строевой.
Ни деньжат, мол, ни квартирки отдельной,
Ничего, мол, нет такого в заводе,
И один ты, значит, вроде идейный,
А другие, значит, вроде Володи!
Ох, лютует прокурор-дезертир,
Ох, лютует прокурор-дезертир,

Ох, лютует прокурор-дезертир!
Припечатает к годкам к десяти.
Ах, друзья ж вы мои, дуралеи,
Снова в грязь непроезжих дорог!
Заклученные параллели
Преподали нам славный урок:

Не делить с подонками хлеба,
Перед лестью не падать ниц,
И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбку сиятельных лиц.

Пусть опять нас тетёшкает слава,
Пусть друзьями назвались враги,
Помним мы, что движенье направо
Начинается с левой ноги.

ПУР - политическое
управление
работе - крестьянской
Красной Армии

то Блонзу → Саловенко
и Три ветри

ПЕСНЯ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(Женский вальс)

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена.

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказания,
Не смотрите на нас вороватыми,
Перепуганными глазами,
Будто призваны вы, будто позваны,
Нашу муку терпением мелете,
Ничего, что родились поздно вы,
Вы все знаете, все умеете!

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена.

Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми.

Но ветрами подует грозными —
Босиком вы беду измерите,
Ничего, что родились поздно вы,
Вы все знаете, все умеете!

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена.

Не дарило нас время сладостью (радостью)
Раздавало горстями горькость...
Но великою вашей слабостью
Вы спасли нам не жизнь, а гордость!
Вам сторицей не будет воздано,
И пройдем мы по веку розно...
Ничего, что родились поздно вы,
Воевать никогда не поздно!

Как мне странно, что ты жена...
Как мне странно, что ты жива...
В Ярославском Централe ночью
Ты была воображена.

generation gap

Еще будет nicht hundertfach vergesen

II

МАРШИ

Страницы полны про
малые войны

ЛЕВОЙ МАРШ

Левой, левой, левой,
Левою шагом марш!

Нет, еще не кончены войны,
Голос чести еще не вятен,
И на свете наверно вольно
Дышат йоги, и то навряд ли!
Наши малые войны были
Ежедневными чудесами
В мутном облаке книжной пыли,
В государственных предписаниях.

*нахлебная
пародная форма*

Левой, левой, левой,
Левою шагом марш!

Помнишь, сонные поняты^{*}
Стали к притолоке головой,
Как мечтающие о тыле
Рядовые с передовой?
Помнишь, вспоротая перина,
В летней комнате — зимний снег?
Молча шел, не держась за перила,
Обещанный человек.

Türlahnen

Левой, левой, левой,
Левою шагом марш!

^{*} свидетели присутствующий при
обеще - негарантированный

Erdbebenheim

И не пуля, не штык, не камень,
Нас терзала иная боль:
Мы бессрочными штрафниками
Начинали свой малый бой! *Ковкий*
По детдомам, как по штрафбатам:
Что ни сделаем — всё вина!
Под запрятанным шла штандартом
Необъявленная война.

Левой, левой, левой,
Левою шагом марш!

И не странно ли, братья серые,
Что по-волчьи мы на лету
Рвали горло за милосердие,
Били морду за доброту!
И ничто нам не мило, кроме
Поля боя при лунном свете!
Говорили — до первой крови,
Оказалось — до самой смерти...

Левой, левой, левой,
Левою шагом марш!

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Подражание Беранже

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Отправлен взвод в ночной дозор
Приказом короля,
Выводит взвод тамбур-мажор,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Эй, горожане, прячьте жен,
Не лезьте сдуру на рожон!
Выводит взвод тамбур-мажор,
Тра-ля-ля-ля!
Пусть в бою труслив, как заяц,
И с деньжатами в обрез, *и деньжатам всегда в обрез*
Но зато какой красавец,
Чёрт возьми, какой красавец!
И какой на вид храбрец!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три.

Проходит пост при свете звезд,
Дрожит под ним земля,

Выходит пост на чортов мост,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Чеканя шаг, при свете звезд,
На чортов мост выходит пост,
И, раскачавшись, рухнул мост,
Тра-ля-ля-ля!
Целый взвод слизнули воды,
Как корова языком,
Потому что у природы — *есть такой закон*
Колебательный закон! *природы*

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три.

Давно в музей отправлен трон,
Не стало короля.
Но существует тот закон,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
И кто с законом не знаком,
Пусть учит срочно тот закон,
Он очень важен, тот закон,
Тра-ля-ля-ля!
Повторяйте ж на дорогу,
Не для кружева-словца,
И поверьте же, ей-Богу,
Если все шагают в ногу,
Мост обрушивается!

Ать-два, левой, правой,
Три-четыре, правой-левой,
Ать-два-три,
Левой, правой, кто как хочет.

ОШИБКА

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были — и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка,
Побудка, побудка,
И не тревожит ни враг, ни побудка
Померзших ребят.
Только однажды мы слышим, как будто,
Как будто, как будто,
Только однажды мы слышим, как будто
Вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие.
Ведь кровь — не вода!
Если зовет своих мертвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит — беда!

Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В нашивках, в нашивках.
Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы — ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Пехота, пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота
Без толку, зазря,
Там, по пороше гуляет охота,
Охота, охота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря...

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

Врач сказал: «Будь здоров, паралич!»
Помирает Иван Ильич...

Ходят дети с внуками на цыпочках,
И хотя разлука не приспела,
Но уже месткомовские скрипочки
Принялись разучивать Шопена.

Врач сказал: «Может день, может два,
Он и счас уже дышит едва».

Пахнет в доме горькими лекарствами,
Подгоревшим давешним обедом,
Пахнет в доме скорыми мытарствами
По различным загсам и собесам.

Врач сказал: «Ай-ай-ай, вот-те раз!
А больной-то, братцы, помер у нас».

Был он председателем правления,
Но такая вещь — житье-бытье,
Не напишешь просьбу о продлении, —
Некому рассматривать ее.

Врач сказал: «Извиняюсь, привет!»
Ждал врача подогретый обед...

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи,
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы, зря не стенайте,
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам «лехаим»,
А таскаться на допросы с вертухаем.

Если ж будешь торговать ты елеем,
Если ж будешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Россинантом
И украсят лапсердак аксельбантом.

Но и ставши в ремесле этом первым,
Все равно тебе не быть камергером,
И не выйти на елее в орфеи...
Так не шейте ж вы ливреи, евреи!

III

ПЕНСИОНЕРЫ

ЗАКЛИНАНИЕ

Помилуй мя Господи помилуй мя.

Получи персональную пенсию,
Завернул на часок в «Поплавок»,
Там ракушками пахнет и плесенью,
И в разводах мочи потолок.
И шашлык отрыгается свечкою,
И «сулгуни» воняет треской,
И сидеть ему лучше б над речкою,
Чем над этой пучиной морской.

Ой ты, море, море, море, море Черное!
Ты какое-то ~~к~~рученое ~~д~~верченое!
Ты ведешь себя не по правилам,
То ты Каином, то ты Авелем!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И по пляжу, где под-вечер по-двое,
Брел один он задумчив и хмур.
Это Черное, вздорное, подлое
Позволяет себе чересчур.
Волны катятся, чортовы бестии,
Не желают режим понимать!
Если б не был он нынче на пенсии,
Показал бы им кузькину мать!

Ой ты, море, море, море, море Черное
Не подследственное, жаль, не заключенное!

На Инту б тебя свел за дело я,
Ты б из Черного стало Белое!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И в гостинице странную, страшную
Намечтал он спросон^{ку} мечту:
Будто Черное море под стражею
По этапу ^{ПРИЗНАЛИ} ~~погна~~ли в Инту.
И блаженней блаженного во-Христе,
Раскурив сигаретку «Маяк»,
Он глядит, как ребяташки-вохровцы
Загоняют стихию в барак.

Ой ты, море, море, море, море Черное!
Ты теперь мне по закону порученное!
А мы обучены ^Тэтой химии,
Обращению со стихиями!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И лежал он с блаженной улыбкою,
Даже скулы улыбка свела.
Но, должно быть, последней уликою
Та улыбка для смерти была.
И не встал он ни утром, ни к вечеру,
Коридорный сходил за врачом,
Коридорная Божию свечечку
Над счастливым зажгла палачом.

И шумело море, море, море Черное,
Море вольное, никем не прирученное,
И вело себя не по правилам,
Было Каином и было Авелем!

Помилуй мя, Господи, в последний раз...

ОБЛАКА

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем «табака»,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака,
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь на века.

Я подковой вмерз в санный след,
В след, что я кайло́м ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах снега наст,
До сих пор в ушах шмона гам...
Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку еще двести грамм!

*das Filzen
(Leibevonhöher)*

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия ни к чему.

Я и сам живу —первый сорт,
Двадцать лет, как день разменяв,
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня.

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот,
А мне четвертого — перевод
И двадцать третьего — перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках,
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака,
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

ПРАВО НА ОТДЫХ

Первача я взял ноль-восемь, взял халвы,
Пару рижского и керченскую селдь,
И отправился я в Белые Столбы
На братана да на психов ~~посмотреть~~ *поглядеть*

Ах, у психов жизнь, так бы жил любой,
а Хочешь спать ~~не~~ ложишься, а хочешь — песни пой!
Предоставлено им вроде литера — *Freiheitschein*
Кому от Сталина, кому от Гитлера.

А братан уже встречает в проходной,
Он меня за опоздание корит,
Говорит: «Давай скорее по одной!
Тихий час сейчас у психов» — говорит.

Шизофреники вяжут венки,
А параноики рисуют ~~но~~лики,
А ~~те~~, которые просто нервные,
Те спокойным сном спят, наверно.

А как приняли по первой первача,
Тут братана прямо бросило в тоску,
Говорит, что он зарежет главврача,
Что он, сука, не пустил его в Москву.

А ему в Москву не за песнями,
Ему выправить надо пенсию,

У него в Москве есть законная
И еще есть одна знакомая.

Мы пивком переложили, съели сельдь,
Закусили это дело кос~~а~~ халвой,
А братан и говорит мне: «Сень, а Сень,
Ты побудь ~~здесь~~ ^{тут} за меня денек-другой.

И по выходке и по роже мы
Завсегда с тобой были схожими,
Тебе ж нет в Москве вздоха-продыха,
Поживи здесь, как в доме отдыха!»

Тут братан снимает тапки и халат,
Он мне волосы легонько ворошит,
А халат на мне — ну, прямо в аккурат,
Прямо вроде на меня халат ~~тот-снит!~~

А братан — в пиджак да и к поезду,
А я булавочкой деньги — к поясу,
И иду себе на виду у всех,
А и вправду мне отдохнуть не грех!

Тишина на белом свете, тишина!
Я иду и размышляю, не спеша,
То ли стать мне президентом США,
То ли взять да и окончить ВПШ.

Ах, у психов жизнь, так бы жил любой,
А Хочешь спать ~~и~~ ^и ложись, ~~и~~ ^и хочешь — песни пой!
Предоставлено ~~им~~ ^{им} вроде литера —
Кому от Сталина, кому от Гитлера!

Вашей Тартиной Шкара

IV

ПЕСНИ О ПОЭЗИИ

ВИНОВНИКИ НАЙДЕНЫ

*Может быть десяток неизвестных рифм
Только и остался, что в Венесуэле.*

В. Маяковский

Установлены сроки и цены,
По морям, по волнам,
И в далекий путь между рифами
По морям, по волнам!
Установлены сроки и цены,
И в далекий путь между рифами
Повезли нам из Венесуэлы
Два контейнера с новыми рифмами,
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам!

Так с пшеницей и ананасами,
По морям, по волнам,
Плыли рубленные и дольные,
По морям, по волнам!
Так с пшеницей и ананасами
Плыли рубленные и дольные,
Современные, ассонансные,
Не какие-нибудь глагольные!
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам.

И снимает радист наушники,
По морям, по волнам,
А корабль подплывает к пристани
По морям, по волнам.
И снимает радист наушники,
А корабль подплывает к пристани,
Но биндюжники есть биндюжники:
Полбоченка с рифмами свистнули!
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам...

Хоть всю землю шагами выстели,
По морям, по волнам,
~~Хоть всю землю шагами выстели,~~
По морям, по волнам,
Хоть расспрашивай всех и каждого,
С чем рифмуется слово Истина —
Не узнать ни поэтам, ни гражданам!
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам...

*Хоть расспрашивай всех и каждого
По морям, по волнам*

ПРОЩАНИЕ С ГИТАРОЙ
(Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка)

Подражание Аполлону Григорьеву

Осенняя простудная
Печальная пора,
Гитара семиструнная,
Ни пуха, ни пера!
Ты с виду тонкорунная,
На слух ворожея,
Подруга семиструнная,
Прелестница моя!
Ах, как ты пела смолоду,
Вся музыка и стать,
Что трудно было голову
С тобой не потерять.

РУННО-ФЛИЕФ

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, как плыла голова, моя душечка!

Когда ж ты стала каяться
В преклонные лета,
И стать не та, красавица,
И музыка не та.
Все в говорок про странствия,
Про ночи у костра,
Была б, мол, только санкция,
Романтики сестра.
Романтика, романтика,

Небесных колеров!
Нехитрая грамматика
Небитых школяров.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, как скушно мне с тобой, моя душечка!

И вот, как дождь в полуночке,
Который год подряд,
Все на одной на струночке,
А шесть других молчат,
И лишь затем беспросьпа
Разыгрываешь страсть,
Что, может, та курносая
Подслушает и даст.
Так и живем, бездумная,
В приятности примет,
Гитара однострунная,
Полезный инструмент!

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, не совестно ль тебе, моя душечка!

Плевать, что стала курвою,
Что стать под стать блядям,
Зато номенклатурная,
Зато нужна людям!
А что души касается,
Про то забыть пора.
Ну что ж, прощай, красавица,
Ни пуха, ни пера!

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Что ж, ни пуха, ни пера, моя душечка!

САЛОННЫЙ РОМАНС

И вновь эти вечные трое
Играют в преступную страсть,
И вновь эти греки из Трои
Стремятся Елену украсть.
А сердце сжимается больно,
Виски малярийно мокры
От этой игры треугольной,
Безвыйгрышной этой игры.

Развей мою смуту жалейкой,
Где скрыты лады под корой,
И спой, как под старой шинелькой
Лежал сероглазый король.
В беспмятстве дедовских кресел
Глаза я закрою, и вот
Из рыжей Бразилии крейсер
В кисейную гавань плывет.

А гавань созвездия множит,
А тучи летучей грядой!
Но век не вмешаться не может,
А норов у века крутой.
Он судьбы смешает, как фанты,
Ему ералаш по душе,
И вот он враля-лейтенанта
Назначит морским атташе.

На карте истории некто
Возникнет подобно мазку
И правнук лилового негра
За займом приедет в Москву.
И все ему даст непременно
Тот некто, который никто,
И тихая пани Ирена
Наденет на негра пальто.

И так этот мир разутюжен,
Что чорта ли нам на рожон!
Нам ужин прощальный — не ужин,
А сто пятьдесят под боржом.

А трое — ну, что же, что трое?
Им равное право дано.
А Троя — разрушена Троя,
И это известно давно.
Все предано праху и тлену
Ни дат не осталось, ни век.
А нашу Елену, Елену
Не греки украли, а век.

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Повстречала девчонка бога,
Бог пил мертвую в монопольке,
Ну, а много ль от бога прока
В чертовне и в чаду попойки?
Ах, как пилось к полночи,
Как в башке гудело,
Как цыгане, сволочи,
Пели «Канавелу»!

Ай, да канавела, грань-традела,
Ай, да йоры сакы палалиховела!

А девчонка сидела с богом,
К богу фасом, а к прочим боком,
Ей домой бы бежать к папане,
А она чокается шампанью.
Ах, елочки, мочалочки,
Сладко ли напьются
В серебряной чарочке
На золотом блюде!

Кому чару пить — Кому здраву быть!
Королевичу Александровичу!

С самоваров к чертям полуда,
Чад летал над столами сотью.

А в четвертом часу, под утро,
Бог последнюю кинул сотню.
Бога пьяного в дугу
Все теперь цукали,
И цыгане — ни гу-гу,
Разбрелись цыгане,
И друзья, допив до дна,
Скатертью дорога!
Лишь девчонка та одна
Не бросала бога.
А девчонка эта с Охты,
И глаза у ней цвета охры.
Ждет маманя свою кровинку,
А она с богом в обнимку.
И надменный половой
Шваркал мокрой тряпкой.
Бог с поникшей головой
Горбил плечи зябко.
И просил у цыган хоть слова,
Хоть немножечко, хоть чуть слышно,
А в ответ ему — жбан рассола:
Понимай, мол, что время вышло!
Вместо водочки — вода,
Вместо пива — пена,
А девчоночка тогда
Тоненько запела:

Ай, да канавела, грань-традела,
Ай, да йоры саки палалиховела!

Ах, как пела девчонка богу,
И про поле, и про дорогу,

И про сумерки, и про зори,
И про милых, ушедших в море!
Ах, как пела девчонка богу,
Ах, как пела девчонка Блоку!
И не знала она, не знала,
Что бессмертной в то утро стала.
Этот тоненький голос в трактирном чаду
Будет вечно звенеть в «Соловьином саду».

ГУСАРСКАЯ ПЕСНЯ

По рисунку палешанина
Кто-то вышил на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне.
Тетка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная, «летальная»,
Как сказали бы врачи.

Славно братцы, славно братцы, славно
братцы-егеря!
Славно братцы-егеря, рать любимого царя!
Ах, кивера да ментики, ах, соколы-орлы!
Кому ж вы в сердце метили, лепажевы
стволы?
Не мне ль вы в сердце метили, лепажевы
стволы!

А беда явилась за полночь,
Но не пулею в висок.
Просто в путь, в ночную заволочь
Важно тронулся возок.
И не спать, не выпить водочки,
Не держать в руке бокал!
Едут трое, сам в середочке,
Два жандарма по бокам.

Славно братцы, славно братцы, славно
братцы-егеря!
Славно братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, пора бы выйти в знать,
Но этой арифметики поэтам не узнать,
Ни прошлым и ни будущим поэтам не узнать.

Где ж друзья твои, ровесники?
Некому тебя спасти!
Началось все дело с песенки,
А потом пошла писать!
А по мукам, как по лезвию,
Размышляй теперь о том,
То ли броситься в поэзию,
То ли сразу в желтый дом...

Славно братцы, славно братцы, славно
братцы-егеря!
Славно братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, возвышенная речь,
А все-таки наветники страшнее, чем картечь!
Доносы и наветники страшнее, чем картечь.

По рисунку палешанина
Кто-то вышил на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне.
Но оставь, художник, вымысел,
Нас в герои не крои!
Нам не знамя жребий вывесил,
Носовой платок в крови...

Славно братцы, славно братцы, славно
братцы-егеря!
Славно братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, нерукотворный стяг!
И дело тут не в метрике, столетие — пустяк!
Столетие, столетие, столетие — пустяк...

V

„А В ОСТАНКИНЕ ПОЮТ...”

ТОНЕЧКА

Она вещи собрала, сказала тоненько:
«А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней, с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папе у ее топтун под окнами.
А что у папе у ее дача в Павшине,
А что у папе холуи с секретаршами,
А что у папе у ее пайки цековские,
И по праздникам кино с Целиковской!
А что Тонька-то твоя сильно страшная —
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральной,
За машину за ее персональную...»

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься,
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие, про материи!
А в глазах-то у тебя — дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах — карамелькою...»

Я живу теперь в дому — чаша полная,
Даже брюки у меня и те на молнии,
А вино у нас в дому как из кладезя,
А сортир у нас в дому — восемь на десять...
А папаша приезжает сам к полуночи,

Топтуны да холуи тут все по струночке!
Я папаше подаю двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!
А как спать ложусь в кровать с душой с Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький...
Ух, характер у нее — прямо бешеный,
Я звоню ей, а она трубку вешает...
Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где «Титан» кино,
Там работает она билетершею,
На дверях стоит вся замерзшая,
Вся замерзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая,
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не продавшая и не простившая!

БАЛЛАДА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

«Призрак бродит по Европе...»

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал.
Запятым по пятам, а не дуриком,
Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом».
Не стесняясь мужским своим признаком,
Наряжался на праздники призраком,
И повсюду: где устно, где письменно,
Утверждал я, что все это — истина.

От сих до сих, от сих до сих, от сих до сих.
И пусть я псих, а кто не псих? А вы не псих?

Но недавно случилась история:
Я купил радиолу «Эстония»,
И в воскресный часок на полчаса
Я прилег позабавиться классикой.
Ну, гремела та самая опера,
Ну, Кармен свою бросила опера,
А когда открывал Эскамилио,
Вдруг своё я услышал фамилие.

Ну, чорт-те что, ну, чорт-те что, ну, чорт-те что!
Кому смешно, мне не смешно. А вам смешно?

Гражданин, мол, такой-то и далее,
Померла у вас тетя в Фингалии,
И по делу той тети Калерии
Ожидают вас в ИНЮРКОЛЛЕГИИ.
Ох, и вскинулся я прямо на дыбы,
Ох, не надо бы вслух, не надо бы!
Больно тема какая-то склизкая,
Не марксистская, ох, не марксистская!

Ну, прямо срам, ну, прямо срам, ну, стыд и срам!
А я-то сам почти что зам! А вы не зам?

Ну, промаялся ночь как в холере я,
Подвела меня падла Калерия!
Ну, жена тоже плачет, печалится:
Культ-не культ, а чего не случается!
Ну, бельишко в портфель, щетка, мыльница,
Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться.
Ну, являюсь, дрожу аж по потрохи,
А они меня — чуть что не под руки.

И смех, и шум, и смех, и шум, и смех, и шум!
А я стою — и ни бум-бум. А вы бум-бум?

Первым делом у нас совещание,
Зачитали мне вслух завещание.
Мол, такая-то, имя и отчество,
В трезвой памяти, все — честь по чести,
Завещаю я землю и фабрику,
Не супругу, засранцу и бабнику,
А родной мой племянник Володичка
Пусть владеет всем тем на здоровьечко!

Вот это да, вот это да, вот это да!
Выходит так, что мне туда. А вам куда?

Ну, являюсь на службу я в пятницу,
Посылаю начальство я в задницу.
Мол, привет по добру, по покойненьку!
Ваши сто — мне, как насморк — покойнику!
Пью в субботу я, пью в воскресенье,
Чуть посплю — и опять в окосение.
Пью за родину и за не родину,
И за вечную память за тетину.

Ну, пью и пью, а после счет, а после счет,
А мне б не счет, а мне б еще. И вам еще?

В общем я за усопшую тетеньку
Пропил с книжки последнюю сотенку.
А как встал, так друзья мои, бражники,
Прямо все, как один, за бумажники.
«Дорогой ты наш, бархатный, саржевый!
Ты не брезговай, Вова, одалживай.
Мол, сочтемся когда-нибудь дружбою,
Мол, пришлешь нам что будет ненужное».

Ну, если так, то гран мерси, то гран мерси,
А я за это вам — джерси, и вам — джерси!

Наодалживал, в общем, до тыщи я,
Я ж отдам, слава Богу, не нищий я!
А уж с тыщи-то рад расстараться я,
И пошла ходуном ресторация.
С контрабаса на галстук басовую!
Не «столичную» пьем, а «особую».

И какие-то две с перманентиком
Все назвать норвят меня Эдиком.

Гуляем день, гуляем ночь, и завтра ночь,
А я не прочь. И вы не прочь. И все не прочь.

С воскресенья и до воскресения
Шло у нас вот такое веселие,
А прочухался чуть к понедельнику,
Сел глядеть передачи по телику.
Сообщает мне дикторша новости
Про успехи в космической области,
А потом!
Передаем сообщения из-за границы. Революция в
Фингалии!
Первый декрет народной власти о национализации
фабрик,
земель, заводов и всех прочих промышленных
предприятий.
Народы Советского Союза приветствуют и
поздравляют
братский народ Фингалии со славной Победой!

Я гляжу на экран как на рвотное.
То есть, как это так — все народное?!
Это ж наше, кричу, с тетей Калею!
Я ж за этим собрался в Фингалию!
Негодяи, бандиты, нахалы вы!
Это все, я кричу, штуки Карловы!
Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости!

А я ж ее — от сих до сих, от сих до сих...
И вот теперь я полный псих. А вы не псих?

ЛЕНОЧКА

Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту.
Красоточка — шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,
У выезда из города
Стояла на посту.
Та-та-да-ры, та-та-да-ры,
Стояла на посту.

Судьба милиционерская —
Ругайся цельный день,
Хоть скромная, хоть дерзкая —
Ругайся целый день.
Гулять бы ей с подругами
И нюхать бы сирень!
А надо с шоферюгами
Ругаться целый день.

Итак, стояла Леночка,
Милиции сержант.
Останкинская девочка,
Милиции сержант.
Иной снимает пеночки,
Любому свой талант,
А Леночка, а Леночка —
Милиции сержант.

Как вдруг она заметила,
Огни летят, огни,
К Москве из Шереметьева
Огни летят, огни!
Ревут сирены зычные,
Прохожий ни-ни-ни!
На Лену, бля, заграничные
Огни летят, огни.

Дает отмашку Леночка,
А ручка не дрожит,
Чуть-чуть дрожит коленочка,
А ручки не дрожит.
Машины, чай, не в шашечку,
Колеса — вжик да вжик!
Дает, бля, она отмашечку,
А ручка не дрожит.

Как вдруг машина главная
Свой замедляет ход,
Хоть и была исправная,
Но замедляет ход.
Вокруг охрана стеночкой
Из Кагебе, но вот
Машина рядом с Леночкой
Свой замедляет ход.

А в той машине писаной
Красавец-эфиоп,
Глядит на Лену пристально,
Красавец-эфиоп,
И встав с подушки кремовой,
Не промахнуться чтоб,
Бросает, бля, хризантему ей
Красавец-эфиоп!

А утром мчится нарочный
ЦК КПСС
В мотоциклетке марочной
ЦК КПСС.
Он машет Лене шляпою,
Спешит наперерез:
«Пожалте, бля, Л. Потапова,
В ЦК КПСС!»

А там на Старой площади —
Тот самый эфиоп,
Он принимает почести
Тот самый эфиоп,
Он чинно благодарствует
И трет ладонью лоб,
Поскольку званья царского
Тот самый эфиоп!

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь,
Сидит с моделью вымпела
И все глядит на дверь!
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь,
Но тут раздалась музыка
И отворилась дверь:

Вся в тюле и в панбархате
В зал Леночка вошла,
Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла.
И сам красавец царственный
Ахмет Али-Паша
Воскликнул: «Вот-те здравствуйте!»
Когда она вошла.

И вскоре нашу Леночку
Узнал весь белый свет,
Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет:
Когда, покончив с папою,
Стал шахом принц Ахмет,
Шахиню, бля, Л. Потапову
Узнал весь белый свет!

Та-та-да-ры, та-та-да-ры,
Узнал весь белый свет!

ФАРС — ГИНЬОЛ

Все засранцы, все нахлебники
Жрут и пьют и воду месят,
На одни, считай, учебники
Чуть не рубль уходит в месяц!
Люська, дура, заневестила,
Никакого с нею сладу!
А у папиньки-то шестеро,
Обо всем подумать надо:

Надо и того купить, и сего купить,
А на копеечки и вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять!

Люська, дурочка, все хаханьки,
Все малина ей, калина,
А Никитушка-то махонький
Чуть не на крик от колита!
Подтянул папаня помочи,
И с улыбкой незавидной
Попросил папаня помощи
В кассе помощи взаимной,

Чтоб и того купить и сего купить,
А на копеечки и вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять!

Попросил папаня слезно — и
Ждет решенья, нет покоя.
И решение такое:
«Подмогнула б тебе касса, но
Каждый рубль — догнать Америку!
Посему тебе отказано.
Но сочувствуем, поелику —

Надо ж и того купить, и сего купить,
А на копеечки и вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять!»

Вот он запил, как залеченный,
Два раза бил морду Люське,
А в субботу поздно вечером
Он повесился на люстре...
Ой, не надо скорой помощи,
Нам бы медленную помощь!
Скорый врач обрезал помочи,
И сказал, что помер в полночь.
Помер смертью незаметною,
Огорчения не вызвал,
Лишь записочку предсмертную
Положил на телевизор:

Что, мол, хотел он и того купить,
и сего купить,
А на копеечки и вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять!

VI

РАЗНОЦВЕТНЫЕ

ПЕСНЯ О СИНЕЙ ПТИЦЕ

Был я глупый тогда и сильный,
Все мечтал я о птице синей,
А нашел ее синий след —
Заработал пятнадцать лет.
Было время — за синий цвет
Получали пятнадцать лет.

Не солдатами — номерами
Помирали мы, помирали.
От Караганды до Нарыма
Вся земля как один нарыв.
Воркута, Инта, Магадан,
Кто вам жребий тот нагадал?
То вас шмон трясет, а то цынга,
И чуть не треть зэка из цэка.
Было время — за красный цвет
Добавляли по десять лет.

А когда пошли миром грозы,
Мужики — на фронт, бабы — в слезы.
В желтом мареве горизонт,
А нас из лагеря да на фронт.
Севастополь, Курск, город Брест,
Нам слепил глаза желтый блеск.
А как желтый блеск стал белеть,
Стали глазоньки столбенеть.

Ох, сгубил ты нас, желтый цвет,
Мы на свет глядим, а света нет.

Покалечены наши жизни.
А может, дело все в дальтонизме?
Может, цвету цвет не чета,
А мы не смыслим в том ни черта?
Так подчаливай, друг, за столик!
Ты дальтоник, я дальтоник.

Разберемся на склоне лет
За какой мы погибли цвет.

ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

А ей мама, ну, во всем потакала,
Красной Шапочкой звала, пташкой вольной,
Ей — какава по утрам два стакана,
А сама чайку попьет — и довольна.

А как маму схоронили в июле,
В доме денег ни гроша, ни бумаги,
Ну, нашлись на свете добрые люди,
Обучили на кассиршу в продмаге.

И сидит она в этой кассе,
Как на месте публичной казни.

А касса щелкает, касса щелкает,
Скушал Шапochку Серый Волк!
И трясет она черной челкою,
А касса щелк, щелк, щелк,

Ах, веселый разговор!

Начал Званцев ей, завмаг, делать пассы,
Интересно бы узнать, что за птица.
А она ему в ответ из-за кассы:
«Дожидаю, мол, прекрасного принца».

Всех отшила, одного не отшила,
Называла его милым Алешей.

Был он техником по счетным машинам,
Хоть и лысый еврей, но хороший.

А тут как раз война, а он в запасе...
Прокричала ночь — и снова в кассе.

А касса щелкает, касса щелкает,
А под Щелковым — в щепки полк!

Ах, веселый разговор!

Как случилось, — ей вчера было двадцать,
А уж доченьке девятый годочек,
И опять к ней подъезжать начал Званцев,
А она про то и слушать не хочет.

Ну, и стукнул он, — со зла, не иначе!
Сам не рад, да не пойдешь на попятный.
Обнаружили ее в недостатке,
Привлекли ее по сто тридцать пятой.

А на этап пошла по указу.
А там амнистия, и снова в кассу.
А касса щелкает, касса щелкает,
Засекается ваш крючок!
И трясет она рыжей челкою,
А касса щелк, щелк, щелк!

Ах, веселый разговор!

Уж любила она дочку, растила,
Оглянуться не успела — той двадцать!
Ой, зачем она в продмаг зачастила,
Ой, зачем ей улыбается Званцев!

А как свадебку сыграли в июле,
Было шумно на Песчаной, на нашей...
Говорят в парадных добрые люди,
Что зовет ее, мол, Званцев «мамашей».

И сидит она в своей кассе,
А у ней внучек в первом классе...

А касса щелкает, касса щелкает,
Не по копеечкам — жизни счет!
И трясет она белой челкою,
А касса щелк, щелк, щелк,

А касса щелк, щелк, щелк!

Ах, веселый разговор...

КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать!
Вот стою я перед вами, словно голенький,
Да, я с Нинулькой гулял тетипашиной,
И в «Пекин» ее водил, и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый,
И в палату с ней ходил в Грановитую.
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границею.

А вернулась — ей, привет, анонимочка,
Фотоснимок, а на нем — я да Ниночка!
Просыпаюсь утром — нет моей кисочки,
Ни вещичек ее нет, — ни записочки.

Нет как нет,
Ну, прямо, нет как нет!

Я к ней в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что все во мне переломано.
Не сердчай, что я гулял с этой падлюю,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!

А она как закричит, вся стала черная:
«Я на слезы на твои ноль внимания!
И ты мне лазаря не пой, я ученая,
Ты людям все расскажи на собрании!»

И кричит она, дрожит, голос слабенький,
А холоуи уж тут как тут, каплют капельки,
И Тамарка Шестопал, и Ванька Дёрганов,
И еще тот референт, что из органов.

Тут, как тут,
Ну, прямо, тут как тут!

В общем, ладно, прихожу на собрание,
А дело было, как сейчас помню, первого.
Я, конечно, бюллетень взял заранее,
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу — в новом шарфике.
А как увидела меня, вся стала красная.
У них первый был вопрос — «Свобода Африке!»
А потом уж про меня в части «разное».

Ну, как про Гану — все в буфет за сардельками,
Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами.
А как вызвали меня, я свял от робости,
А из зала мне: «Давай, бля, все подробности!»

Все, как есть,
Ну, прямо, все как есть!

«Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать!
Вот стою я перед вами, словно голенький.
Да, я с племянницей гулял с тетипашиной,
И в «Пекин» ее водил, и в Сокольники».

«И в моральном, говорю, моем облике,
Есть растленное влияние Запада».
«Но живем ведь, говорю, не на облаке,
Это ж только, говорю, соль без запаха».

И на жалость я их брал, и испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал.
Ну, поздравили меня с воскресением:
Залепили строгача с занесением.

Ой-ой-ой,
Ну, прямо, ой-ой-ой!

Взял я тут цветов букет покрасивее,
Стал к подъезду номер семь для начальников.
А Парамонова, как вышла, стала синяя,
Села в «Волгу» без меня и отчалила.

И тогда прямым путем в раздевалку я,
И тете Паше говорю, мол, буду вечером,
А она мне говорит: «С аморалкою
Вам, товарищ дорогой, делать нечего.

И племянница моя, Нина Саввовна,
Она думает как раз то же самое,
Она всю свою морковь нынче продала
И домой по месту жительства отбыла».

Вот те и на,
Ну, прямо, вот те и на!

Я иду тогда в райком, шлю записочку,
Мол, прошу принять, по личному делу я.
А у Грошевой как раз моя Кисочка,
Как увидела меня, вся стала белая.

И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева:
«Схлопотал он строгача, ну и ладушки!
Помиритесь вы теперь по-хорошему».

И пошли мы с ней вдвоем как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила джорсо, а я перцовую
За советскую семью образцовую.

Вот и все.

VII

ШОФЕРСКИЕ

БОЛЬНИЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА

А начальник все спьяну про Сталина,
Все хватает баранку рукой,
А потом нас, конечно, доставили
Санитары в больничный покой.
Сняли брюки с меня и кожаночку,
Все мое покидали в мешок,
И прислали Марусю-хожалочку,
Чтоб дала мне живой порошок.

А я твердил, что я здоров,
А если ж печки-лавочки,
То в этом лучшем из миров
Мне всё давно до лампочки,
Мне всё равно, мне всё давно
До лампочки.

Вот лежу я на койке, как чайничек,
Злая смерть надо мною кружит,
А начальничек мой, а начальничек,
Он в отдельной палате лежит.
Ему нянечка шторку повесила,
Создают персональный уют!
Водят гаду еврея-профессора,
Передачи из дома дают.

А там икра, а там вино,
И сыр, и печки-лавочки,
А мне — больничное говно,
Хоть это и до лампочки,

Хоть всё равно, мне всё давно
До лампочки.

Я с обеда для сестрина мальчика
Граммов сто отолью киселю.
У меня ж ни кола, ни колачика,
Я с начальством харчи не делю!
Я возил его, падлу, на «Чаечке»,
И к Маргошке возил, и в Фили.
Ой вы, добрые люди, начальнички,
Соль и гордость родимой земли!

Не то он зав, не то он зам,
Не то он печки-лавочки.
А что мне зам? Я сам с усам,
И мне чины до лампочки,
Мне все чины да ветчины
До лампочки.

Надеваю я утром пижамочку,
Выхожу покурить в туалет
И встречаю Марусю-хожалочку:
«Сколько зим, говорю, сколько лет!
Доложи, говорю, обстановочку».
А она отвечает не в такт:
«Твой начальничек дал упаковочку,
У него получился инфаркт».

На всех больничных корпусах
И шум, и печки-лавочки...
А я стою, темно в глазах,
И как-то все до лампочки,
И как-то вдруг мне все вокруг
До лампочки.

Да, конечно, гражданка-гражданочкой,
Но когда воевали, братва,
Мы с ним вместе под этой кожаночкой
Ночевали не раз и не два.
И тянули спиртягу из чайника,
Под обстрел загорали в пути...
Нет, ребята, такого начальника
Мне наверно уже не найти!

Не слезы это, а капель,
И всё, и печки-лавочки,
И мне теперь, мне всё теперь
Фактически до лампочки.
Мне всё теперь, мне все теперь
До лампочки...

ЖУТКОЕ СТОЛЕТИЕ

В понедельник дело было к вечеру,
Голова болела прямо адово,
Заявляюсь я в гараж к диспетчеру,
Говорю, что мне уехать надобно!
Говорю, ты мне путевку выпиши,
Чтоб куда подале да по-северней!
Ты меня не нюхай, я не выпивши.
Это я с тоски такой рассеянный.
Я гулял на свадьбе в воскресенье,
Тыкал вилкой в винегрет, закусывал,
Только я не пил за счастье Ксенино,
Я вообще не пил, а так, присутствовал.
Я ни шакалика и ни полшкалика,
А сидел, жевал горбушку черного,
Все глядел на Ксенькина очкарика,
Как он корчил из себя ученого.
А я, может, сам из семинарии,
Может шоферюга я по случаю!
Вижу, даже гости закемарили,
Даже Ксенька, вижу, туча тучею.
Ну, а он поет, как хор у всенощной,
Все про иксы, игреки и синусы,
А костюмчик — и взглянуть-то не на что —
Индпошив, фасончик — на-ка выкуси!
И живет-то он не в Дубне атомном,
А в НИИ каком-то, под Каширою,

Врет, что он там шеф над автоматною
Электронно-счетною машиною.
Дескать, он прикажет ей: помножь-ка мне
Двадцать пять на девять с одной сотой!
И сидит потом, болтает ножками,
Сам сачкует, а она работает.
А она работает без ропота,
Огоньки на пульте обтекаемом!
Ну, а нам-то, нам-то среди роботов,
Нам, что делать, людям неприкаянным?
В общем, стыл я, стыл, как замороженный,
А потом меня как что-то подняло,
Встал, сказал: «За счастье новорожденной!»
Может, кто не понял? Ксенька поняла!
И ушел я, не было двенадцати,
Хлопнул дверью: празднуйте, соколики!
И в какой-то вроде бы прострации
Я дошел до станции Сокольники.
В автомат пятак засунул молча я,
Будто бы в копилку на часовенку.
Ну, а он залязгал, сука волчая,
И порвал штаны мне снизу доверху.
Дальше я не помню, дальше — кончики!
Плакал я и бил его ботинкою,
Шухера свистели в колокольчики,
Граждане смеялись над картинкою...
Так давай, папаша, будь союзником,
До суда поезжу дни последние,
Ах, обрыдла мне вся эта музыка,
Это автоматное столетие!

VIII

ОТДЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

ПОЕЗД

Посвящается памяти Михоэlsa

Ни гневом, ни порицанием
Давно уж мы не бряцаем,
Здороваемся с подлецами,
Раскланиваемся с полицаем!
Не рвемся ни в бой, ни в поиск,
Все праведно, все душевно.
Но помни: отходит поезд!
Ты слышишь? уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

А мы балагурим, а мы куролесим,
Нам недругов лесть, как вода из колодца,
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам
Колеса, колеса, колеса, колеса.

Такой у нас нрав спокойный,
Что без никаких стараний
Нам кажется путь окольный
Кратчайшим из расстояний.
Оплачен страховки полис,
Готовит обед царевна,
Но помни: отходит поезд
Сегодня и ежедневно.

Мы пол оцинкуем, мы шторку повесим,
Чтоб нашему раю ни краю, ни сноса.
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам
Колеса, колеса, колеса, колеса.

От скорости века в сонности
Живем мы, в живых не значась,
Непротивление совести —
Удобнейшее из чудачеств!
И только порой под сердцем
Кольнет тоскливо и гневно:
Уходит наш поезд в Освенцим!
Наш поезд уходит в Освенцим!
Сегодня и ежедневно...

А как наши судьбы как будто похожи:
И на гору вместе, и вместе с откоса.
Но вечно по рельсам, по сердцу, по коже
Колеса, колеса, колеса, колеса...

ПЕСНЯ ПРО МАЙОРА ЧИСТОВА

Я спросонья вскочил — патлат,
Я проснулся, а сон — за мной.
Мне приснилось, что я атлант,
На плечах моих шар земной!

И болит у меня спина,
То мороз по спине, то жар...
И с устатку пьяней-пьяна
Я роняю тот самый шар!

И ударившись об Ничто,
Покатился он, как звезда,
Через млечное решето
В бесконечное Никуда!

И так странен был этот сон,
Что ни дочери, ни жене
Не сказал я о том, что он
Этой ночью приснился мне!

Я и сам отогнал ту боль,
Будто наглухо дверь забил...
И к часам десяти ноль-ноль
Я и вовсе тот сон забыл!

Но в двенадцать ноль-ноль часов
Простучал на одной ноге
На работу майор Чистов,
Что заведует буквой «Ге»!

И открыл он мне досье,
И на чистом листе — педант! —
Написал он, что мне во сне
Нынче снилось, что я атлант!..

ВСЕ НЕ ВОВРЕМЯ

Посвящается В. Т. Шаламову

А ты стучи, стучи, а тебе Бог простит,
А начальники тебе, Леха, срок скостят!
А за Окой счас, небось, коростель свистит,
А у нас на Тайшете ветра свистят.
А месяц май уже, а все снега белы,
А вертухаев на снегу следы.
А что полнормы, тьфу, это полбеды,
А что песню спел — полторы беды!
 А над Окой летят гуси-лебеди,
 А за Окой свистит коростель,
 А тут по наледи курвы-нелюди
 Двух зэка ведут на расстрел!

А первый зэка, он в Севастополе,
Он там, чёрт чудной, Херсонес копал,
Он копал, чумак, что ни попадя,
И на полный срок в лагерь попал.
И жену его, и сынка его,
И старуху-мать, чтоб молчала, блядь,
Чтобы знали все, что заказано
Нашу родину сподниза копать!
 А в Крыму теплынь, в море селеди,
 И миндаль, небось, подоспел,
 А тут по наледи курвы-нелюди
 Двух зэка ведут на расстрел!

А второй зэка — это лично я,
Я без мамы жил, и без папы жил.
Моя б жизнь была б преотличная,
Да я в шухере стукаря пришел!
А мне сперва вышка, а я в раскаянье,
А уж в лагере корешей навал...
И на кой я пес при Лехе-каине
Чумаку подпел Интернационал!
 А в карауле пьют с рафинадом чай,
 И вертужай идет, весь сомлел.
 Ему скучно, чай, и несподручно, чай,
 Нас в обед вести на расстрел!

УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

Посвящается Фриде Вигдоровой

На последней странице газеты печатаются объявления о смерти, на первой — теоретические статьи.

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни в никуда, а другие в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни,
Уходят мои друзья!

Не спешите сообщить по секрету,
Я не верю вам, не верю, не верю!
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю.
Знать бы загодя, кого сторониться,
А кому была улыбка причастьем!
Есть — уходят — на последней странице,
Но которые на первой — те чаще...

Уходят, уходят, уходят.
Каюк одному, а другому стезя.
Такой по столетию ветер гудит,
Что косит своих и чужих не щадит.
Уходят мои друзья!

Мы мечтали о морях-океанах,
Собирались прямиком на Гавайи!
И как спятивший трубач, спозаранок
Уцелевших я друзей собираю.
Я на ощупь, и на вкус, и по весу
Учиняю им поверку, но вскоре
Вновь приносят мне газету-повестку
К отбыванию повинности горя.

Уходят, уходят, уходят друзья,
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях.
Им право — не право, им совесть — пустяк,
Одни наплюют, а другие простят.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

И когда потеря громом крушенья
Всю планету полоснула по сердцу,
Не спешите сообщить в утешенье,
Что не мало есть потерь по соседству.
Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стертый!
Я ведь все равно по мертвым не плачу:
Я ж не знаю, кто живой, а кто мертвый.

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни в никуда, а другие в князья.
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья...

КОМПОЗИЦИЯ № 27 ИЛИ
ТРОЛЛЕЙБУСНАЯ АБСТРАКЦИЯ

Посвящается И. Грековой

- Он не то, чтобы достиг, он подлез,
- А он им в ЦУМе пылесос и палас,
- А она ему: «Подлец ты, подлец!»
- И как раз у них годичный баланс.
 А на дворе то дождь, то снег,
 То дождь, то снег, то плач, то смех.
 И чей забой — того казна,
 А кто в любовь, а кто в козла.
 «Пользуйтесь услугами аэрофлота!
 Экономьте время» и тра-ля-ля!
- В общежитии — замок на двери,
- В нос шибает то пивком, то потком,
- «Отвори, — она кричит, — отвори!»
- Тут его и цап-царап на партком.
 А на дворе то дождь, то снег,
 И тот же смех, один на всех.
 Кому во Львов, кому в Казань,
 А кто в любовь, а кто в козла.
 «Покупайте к завтраку рыбные палочки,
 Вкусно и питательно», и тра-ля-ля!
- Говорят, уже не первый сигнал...
- А он им в чай и подмешай нембутан,

— А им к празднику давали сига,
— По-советски, а не как-нибудь там!
А на дворе то дождь, то снег,
Все тот же смех, один на всех,
И словно бой, гремит гроза,
И кто в любовь, а кто в козла.
«Граждане, подписку на газеты и
журналы
Оформляйте вовремя», и тра-ля-ля!

— В общем, вышло у него так на так.
— А она опять: «Подлец ты, подлец!»
— Подождите, не бросайте пятак!
— Ну, поставили на вид — и конец.
А на дворе то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то плач, то смех.
И не беда, что тот же снег,
А вот беда — все тот же век!
«Предъявляйте пропуска в развернутом
виде
При входе и выходе», и тра-ля-ля!

ПЕСНЯ ПРО СЧАСТЬЕ

Ты можешь найти на улице копейку
И купить коробку спичек,
Ты можешь найти две копейки
И позвонить кому-нибудь из автомата.
Ну, а если звонить тебе некому,
Так зачем тебе две копейки?
Не покупать же на две копейки
Две коробочки спичек!

Можно вообще обойтись без спичек,
А просто прикурить у прохожего,
И заговорить с этим прохожим,
И познакомиться с этим прохожим,
И он даст тебе номер своего телефона,
Чтоб ты позвонил ему из автомата,
Ну, а если у тебя нет двух копеек?..

Так что лучше уж не прикуривать у прохожего,
Лучше просто купить коробку спичек,
Впрочем и для этого сначала нужно
Найти на улице две копейки...

НОЧНОЙ ДОЗОР

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.
Сотни тысяч, и все похожие,
Вдоль по лунной идут дорожке,
И случайные прохожие
Кувыркаются в неотложки.
И бьют барабаны!..

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно,
Одинокий шагает памятник,
Повторенный тысячекратно.
То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки,
И за ним, как барашки в море,
Чешут гипсовые обрубки.
И бьют барабаны!..

Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию!
Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведет процессию.
Он выходит на место лобное,
Гений всех времен и народов!
И как в старое время доброе

Принимает парад уродов.
И бьют барабаны!..

Прет стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей,
Вот сапог громыхает маршево,
Вот обломанный ус топорщится!
Им пока скрипеть да поругиваться,
Да следы оставлять линючие,
Но уверена даже пуговица,
Что сгодится еще при случае.
И будут бить барабаны!..

Утро Родины нашей розово!
Позывные летят, попискивая,
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись, гипсовые;
Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие,
Им бы, гипсовым, — человечины,
Они вновь обретут величие.
И будут бить барабаны!..

СПРАШИВАЙТЕ МАЛЬЧИКИ!

Спрашивает мальчик: почему?
Спрашивает мальчик: почему?
Двести раз и триста «почему»,
Тучка набегает на чело.
А папаша режет ветчину,
А папаша режет ветчину,
Он сопит и режет ветчину
И не отвечает ничего.

Снова замаячили быль, боль,
Снова рвутся мальчики в пыль, и в бой,
Вы их не пугайте, не отваживайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!
Спрашивайте, спрашивайте!

Спрашивайте, как и почему.
Спрашивайте, как и почему.
Как, и отчего, и почему,
Спрашивайте, мальчики, отцов!
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину.
Надо ж отвечать в конце концов!

Но в зрачке-хрусталике вдруг муть,
А старые сандалики, ух, жмут!
Ну, и не жалейте их, снашивайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте!

КОМАНДИРОВОЧНАЯ ПАСТОРАЛЬ

То ли шлюха, то ли странница,
Вроде хочется, только колется.
Что-то сбудется, что-то станется,
Чем душа твоя успокоится?!
А то и станется, что подкинется,
Будут волосы все распатланы,
Общежитие, да гостиница —
Вот дворцы твои клеопатровы.
Сядь, не бойся, выпьем водочки,
Чай, живая, не покойница!
Коньячок? Четыре звездочки!
Коньячок, он тоже колется.

Гитарист пошел тренди-брендями,
Саксофон хрипит, как удушенный,
Все, что думалось, стало бреднями,
Обманул Христос новоявленный!
Спой, гитара, нам про страдания,
Про глаза нам спой и про пальцы.
Будто есть страна Пасторалия,
Будто мы с тобой пасторальцы.
Под столом нарежем салъца,
И плевать на всех, на тутошних!
Балычок? Прости, кусается!
Никаких не хватает суточных.

Расскажи и ты мне белка белая,
Чем ты, глупая, озабочена,
Что ты делала, где ты бегала,
Отчего в глазах червоточина!
Туфли-лодочки на полу-то чьи,
Чья на креслице юбка черная?
Наш роман с тобой до полуночи,
Падла — здешняя коридорная.
 Влипнешь в данной ситуации,
 И пыли потом, как конница!
 Мне к семи, тебе к двенадцати,
 Очень рад был познакомиться!

До свидания, до свидания,
Будьте счастливы и так далее!
А хотелось нам, чтоб страдания,
А хотелось, чтоб Пасторалия!
Но, видно, здорово мы усталые,
От анкет у нас в кляксах пальцы...
Мы живем в стране Пасторалии,
Называемся постояльцы.

Ю 3

По стеклу машины перед глазами шофера
Бегают дворники направо-налево,
Направо-налево, направо-налево.

Не летят к нам птицы с теплого юга,
Улетают птицы на теплый юг,
Почему-то надо бояться юза,
А никто не знает, что значит юз!

Телефон молчит мой, а это скверно,
Я-то понимаю, что дело в том,
Что сейчас под зонтиком ходишь, наверно,
А под зонтиком трудно ходить вдвоем.
Ах, под зонтиком трудно ходить вдвоем.

И под медленным дождиком мокнет муза,
И у дождика странный соленый вкус.
Может, муза тоже боится юза,
И не знает тоже, что значит юз.
Ах, не знает муза, что значит юз.

По стеклу машины перед глазами шофера
Бегают дворники направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

IX

НА НАУЧНЫЕ ТЕМЫ

ПРО МАЛЯРОВ, ИСТОПНИКА И ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Чувствуем с напарником — ну и ну,
Ноги прямо ватные, все в дыму,
Чувствуем — нуждаемся в отдыхе,
Чтой-то нехорошее в воздухе.

Взяли жигулевского и дубняка,
Третьим пригласили истопника,
Приняли, добавили еще раза,
Тут нам истопник и открыл глаза.

На ужасную историю
Про Москву и про Париж,
Как наши физики проспорили
Ихним физикам пари!

Все теперь на шарике вкось и вскочь,
Шиворот-навыворот, набекрень,
И что мы с вами думаем: день-ночь.
Да что мы с вами думаем: ночь-день.

И рубают финики лопари,
И в Сахаре снегу — невпроворот!
Это — гады физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

И там, где полюс был — там тропики,
И где Нью-Йорк — Нахичевань,
А что мы люди, а не бобики —
Им на это начихать!

Рассказал нам все это истопник,
Вижу, мой напарник, ну, прямо сник:
«Раз такое дело — гори огнем!
Больше мы малярничать не пойдём!»

Взяли в поликлинике бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что ж тут за работа, если ночью — день,
А потом обратно не день, а ночь.

И при всей квалификации
Тут возможен перекося,
Это все ж таки радиация,
А не просто купорос!

Пятую неделю я не сплю с женой,
Пятую неделю я хожу больной.
Тоже и напарник мой плачется:
Дескать, он отравленный начисто.

И лечусь «столичною» лично я,
Чтобы мне с ума не стронуться,
Истопник сказал, что «столичная»
Очень хороша от стронция.

И то я верю, а то не верится,
Что минует та беда,
А шарик вертится, бля, и вертится,
И все время не туда.

СЛАВА ГЕРОЯМ

У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца!
И лошадь на парады выезжала,
И маршалу про жабу ни словца,
 Пара-бара, пара-бара,
 Пара-бара-па-па-бра-па!

А маршал бедный мучился от рака,
Но тоже на парады выезжал,
Он мучился от рака, но, однако,
Он лошади об этом не сказал.
 Пара-бара, пара-бара,
 Пара-бара-па-па-бра-па!

Но этот факт Великая Эпоха
Воспеть велела в песнях и стихах,
Хоть лошадь та давным-давно издохла,
А маршала сгноили в Соловках.
 Пара-бара, пара-бара,
 Пара-бара-па-па-бра-па!

Я принимаю участие в научном споре между доктором филологических наук проф. Б. А. Бяликом и действительным членом Академии наук Советского Союза С. Л. Соболевым по вопросу о том, может ли машина мыслить.

Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат,
Я вполне в научном мире личность лишняя.

Но вот чего я усёк:

Газированной водкою торговал автомат,
За копейку — без сиропа, за три — с вишнею.
И с такой торговал вольностью,
Что за час его весь выпили,
Стаканы наливал полностью,
А людям никакой прибыли!
А людям никакой выгоды,
Ни на зуб с дуплом компенсации,
Стали люди искать выхода
Из безвыходной ситуации.

Сели думать тут ребята, кто в беде виноват,
Где в конструкции ошибка, в чем неправильность.
Разобрали тут ребята весь как есть автомат,
Разобрали, устранили в нем неправильность.
А теперь крути, а то выпорем!
Станешь, сука, тогда умною.
Приспособим тебя к выборам,
Будешь в елках стоять урною.
Ты кончай, автомат, школьничать,

Ты кончай, автомат, умничать!
Мы отучим тебя вольничать,
Мы научим тебя жульничать.

Он повкалывал недельку — с ним обратно беда:
Весь затрясся он, как заяц под стужею.
Не поймешь, чего он каплет: ни сироп, ни вода,
Может краска, может смазка, может хужее.
И стоит, на всех шапкой злобится,
То он плачет, то матюкается.
Это люди — те приспособятся,
А машина — та засекается!
Так и стал автомат шизиком,
Всех пугает своим видиком,
Ничего не понять физикам,
Не понять ничего лирикам.

Так давайте, друг у друга не воруйте идей,
Не валите друг на друга свои горести,
И вот чего я вам скажу:
Может, станут автоматы не глупее людей,
Только очень это будет не вскорости!

Х

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МЫ НЕ ХУЖЕ ГОРАЦИЯ

Вы такие нестерпимо ражие,
И такие, в сущности, примерные,
Все томят вас бури вернисажные,
Все шатают паводки премьерные.
Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы!
Ну, а если — ни премьер, ни выставок,
Десять метров — комната в Останкине!
Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют радостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике,
Вот и все, и этого достаточно!
Там стоит картина на подрамнике,
Этого достаточно!

Осудив и совесть и бесстрашие, —
Вроде не заложишь и не купишь их, —
Ах, как вы неистуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!
Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.
Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный,
«Эрика» берет четыре копии,

Вот и все, и этого достаточно!
Пусть пока всего четыре копии,
Этого достаточно!

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии.
Что ни день — фанфарное безмолвие
Славит многодумное бессмыслие.
Бродит Кривда с полосы на полосу,
Делится с соседкой Кривдой опытом,
Но гремит напетое вполголоса,
Но гудит прочитанное шепотом.
Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно,
Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и все, и этого достаточно!

Есть, стоит картина на подрамнике!
Есть, отстукано четыре копии!
Есть магнитофон системы «Яуза»!
И этого достаточно.

**
*

Четверть века в трудах и заботах я
Все бегу, тороплюсь да спешу,
А как выдастся время свободное,
На погост погулять выхожу.
Там на кладбище так спокойненько,
Ни врагов, ни друзей не видать.
Все культурненько, все пристойненько —
Исключительная благодать.

Нам судьба уготована странная,
Беспокоимся ночью и днем,
И друг друга грызем на собраниях,
Надрываемся, горло дерем.
А на кладбище все спокойненько,
Ни врагов, ни друзей не видать.
Все культурненько, все пристойненько —
Исключительная благодать.

Ах, семья моя, свора скандальная!
Ах ты, пьяный, драчливый сосед!
Ты, квартира моя коммунальная,
Днем и ночью покоя все нет.
А на кладбище все спокойненько
Среди верб, тополей да берез.
Все культурненько, все пристойненько
И решен там квартирный вопрос.

Вот, к примеру, захочется выпить вам,
А вам выпить нигде не дают.
Все стыдят да грозят вытрезвителем,
Да в нетрезвую душу плюют.
А на кладбище там спокойненько.
От общественности вдалеке
Все культурненько, все пристойненько
И закусочка на бугорке.

Старики, я Шекспир по призванию.
Мне Гамлетов писать бы, друзья,
Но от критиков нету признания,
От милиции нету житья.
А на кладбище, по традиции,
Не слышать никого, не видать.
Нет ни критиков, ни милиции.
Исключительная благодать!

А на кладбище, по традиции,
Не слышать никого, не видать.
Нет ни критиков, ни милиции.
Исключительная благодать!

Говорят, что где-то есть острова,
Где растет на берегу трын-трава
И от гордости, и от горести, и от подлости, и от
хворости,
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где с похмелья не болит голова,
А сколько есть у меня — пей все без просыпу,
А после по морю ходи как посуху.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре не всегда дважды два,
Считай хоть дослепу, одна испарина,
Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что есть острова,
Где неправда не бывает права,
Где нет лени, и нет бедности,
И нет и не было черты оседлости.
Вот какие я придумал острова!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«ЭРИКА» БЕРЕТ ЧЕТЫРЕ КОПИИ...

Сорок страниц на машинке. Без «облаточного супера» и даже без обложки. На первой странице — имя автора и название: Александр Г а л и ч , Песни. И маленькое стихотворное вступление, которое начинается так:

«Скользит змея, в траве шурша,
И шепчет:
— Тише, птицы! Ша!..»

Но птицы не умолкают: «гремит напетое вполголоса».

Сборник Александра Г а л и ч а — типичная продукция «Самиздата». Типичная в смысле техники. Многократно размноженный, на разных машинках, с употреблением максимального количества копирок, с неизбежными искажениями и разночтениями. Но это техническое несовершенство искупается тем, что сквозь слепую печать ярко виден талант автора. И не только талант, но и гражданское мужество, свободомыслие, сочетающееся гармонически с внутренним ощущением российской действительности.

Три основных темы звучат в сборнике.

Первая тема — лагерная. Но это — условное обозначение. Галич, прошедший через тюрьмы и концлагеря, вышел за узкие границы личного. Судьба страны, судьба поколения, судьба человека, каждого человека — вот тема его стихов-песен, посвященных страшным годам сталинщины. Но это не воспоминания о прошлом — это разговор о сегодняшнем и завтрашнем. Его гнев-

ным голосом говорит всё затравленное, загнанное, замордованное поколение — изобличая и предостерегая. И призывая.

«...Снова замаячили боль, боль,
Снова рвутся мальчики в пыль и в бой,
Вы их не пугайте, не отваживайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!»
(«Спрашивайте, мальчики!»)

Спрашивайте, идите в бой, чтобы вас не постигла участь отцов:

«...И не пуля, не штык, не камень,
Нас терзала иная боль:
Мы бессрочными штрафниками
Начинали свой малый бой!

По детдомам, как по штрафбатам:
Что ни сделаем — всё вина!
Под запрятанным шла штандартом
Необъявленная война.»

(«Левый марш»)

Той же обращенностью к будущему проникнуто необычайной нежности стихотворение «Песня о прекрасной даме»:

«...Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми.

Но ветрами подует грозными —
Босиком вы беду измерите,
Ничего, что родились поздно вы,
Вы всё знаете, всё умеете.»

Женский образ, созданный поэтом в этом стихотворении, которое принадлежит к лучшим в сборнике, с правом войдет в большую русскую литературу:

«...Как мне странно, что ты жена...
Как мне странно, что ты жива...
В Ярославском Централe ночью
Ты была воображена».

Только благодаря дару т а к видеть и поэт и Поэзия могут выжить в мире, в котором

«...вечно по рельсам, по сердцу, по коже
Колеса, колеса, колеса, колеса...»

Вторая тема сборника — Мерзость. Самодовольная, пошлая, свинцовая, страшная. Страшная не своей силой, а своей уродливостью. Ибо сила этой Мерзости не вовне, а в каждом.

«...И не веря ни сердцу, ни разуму,
для надежности спрятав глаза,
сколько раз мы молчали по-разному,
но не против, конечно, а за».
(«Старательский вальсок»)

Но это не только в прошлом. И теперь

«...Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем — доходней молчание,
Потому что молчание — золото».
(Там же)

В широком диапазоне, — от трагедийности до сатиры, — ведет поэт эту тему: «Ошибка», «Песня о синей птице», «Ночной дозор» — в одном ключе, «Право на

отдых», «Баллада о прибавочной стоимости», «Красный треугольник» — в другом.

По призыву трубы, встают солдаты, померзшие, похороненные под Нарвой. Встают, потому что...

«...Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит — беда!
...Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы — ни к чему!»

И что же?

«...Где полегла в сорок третьем пехота
Без толку, зазря,
Там, по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!»

(«Ошибка»)

В «Красном треугольнике» идет рассказ о современной знати. Измена мужа жене, в то время, когда она была в командировке за границей. Анонимка. Выступление мужа на партийном собрании по требованию жены — отвратительная сцена:

«...Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут
спрашивать!
Вот стою я перед вами, словно голенький.
Да я с племянницей гулял с тетипашиной
И в «Пекин» ее водил и в Сокольники.
И в моральном, говорю, моем облике,
Есть растленное влияние Запада...

...Я на жалость их брал, и испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал.
Ну, поздравили меня с воскресеньем:
Залепили строгача с занесеньем...»

И счастливая концовка. Муж и жена в райкоме у секретаря:

«...И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева:
Схлопотал он строгача, ну и ладушки!
Помиритесь вы теперь по-хорошему.

И пошли мы с ней вдвоем как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила дюрсо, а я перцовую
За советскую семью образцовую».

Третья тема звучит в песнях, входящих в разделы «А в Останкине поют...», «Разноцветные» и «Шоферские». Песни эти написаны человеком, обладающим особым слухом. Только поэтому мог передать автор чувства и судьбы маленьких людей большой столицы, передать так, как будто эти песни спеты ими самими.

Живет обремененный большой семьей, вечно нуждающийся, высчитывающий каждую копейку человек. В особо тяжелую минуту

«...Подтянул папаня помочи,
И с улыбкой незавидной
Попросил папаня помощи
В кассе помощи взаимной...

Совещанье шло серьезное,
И решение такое:
«Подмогнула б тебе касса, но
Каждый рубль — догнать Америку!
Посему тебе отказано,
Но сочувствуем...»

И в отчаянии

«...А в субботу поздно вечером
Он повесился на люстре...
Ой, не надо скорой помощи,
Нам бы медленную помощь!»
(«Фарс — гиньоль»)

Умирает мать. Дочь, молоденькая, почти девочка,
остается одна:

«...А как маму схоронили в июле,
В доме ни гроша, ни бумаги,
Ну, нашлись на свете добрые люди,
Обучили на кассиршу в продмаге».

Полюбился ей хороший человек, вышла замуж,

«...А тут как раз война, а он в запасе...
Прокричала ночь — и снова в кассе».

Одинокая женщина воспитывает дочку. Муж по-
гиб. Завмаг пытается принудить её к сожителству,

«...А она про то и слушать не хочет.
Ну, и стукнул он, — со зла, не иначе!
Сам не рад, да не пойдешь на попятный.
Обнаружили её в недостатке,
Привлекли её по сто тридцать пятой».

Вернулась по амнистии — и снова в кассу.

«...А касса щелкает, касса щелкает,
По копеечкам — жизни счет!
И трясет она белой челкою,
А касса щелк, щелк, щелк,
А касса щелк, щелк, щелк!
Ах, веселый разговор...»
(«Веселый разговор»)

Этот раздел жанровых песен литературные критики, конечно, не зачислят в поэзию, скажут, что это — рифмованная проза. Может быть. Нас здесь интересует другое. Воздействие на слушателя. А оно — огромное. Слезы, насмешку, гнев вызывают они у аудитории. И нет, среди присутствующих, безразличного. Включаются десятки магнитофонов в импровизированных залах — и ленты, одна за другой, начинают свое победное шествие. «Есть магнитофон системы «Яуза» — и этого достаточно». Остановить распространение песни невозможно.

Окуджава, прежде всего, романтик. Галич — сатирик. Они по-разному влияют на человеческие души. Но конечный результат тот же. Мы не знаем, как это всё будет потом размещено на полках истории литературы. Но в живой душе нашего народа они заняли свое бесспорное место, и значение этих двух современных трубадуров трудно преувеличить.

Е. Романов

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Вальсы	
Старательский вальсок	9
Колыбельный вальс	11
Вальс, посвященный уставу караульной службы	13
Песня о прекрасной даме (Женский вальс)	16
II. Марши	
Левый марш	21
Закон природы (подражание Беранже)	23
Ошибка	25
Смерть Ивана Ильича	27
Предостережение	28
III. Пенсионеры	
Заклинание	31
Облака	33
Право на отдых	35
IV. Песни о поэзии	
Виновники найдены	39
Прощание с гитарой (Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка)	41
Салонный романс	43
Цыганский романс	45
Гусарская песня	48
V. А в Останкине поют	
Тонечка	53
Баллада о прибавочной стоимости	55
Леночка	59
Фарс — гиньол	63

VI. Разноцветные	
Песня о синей птице	67
Веселый разговор	69
Красный треугольник	72
VII. Шоферские	
Больничная цыганочка	79
Жуткое столетие	82
VIII. Отдельные песни	
Поезд	87
Песня про майора Чистова	89
Все не вовремя	91
Уходят друзья	93
Композиция № 27 или троллейбусная абстракция	95
Песня про счастье	97
Ночной дозор	98
Спрашивайте мальчики!	100
Командировочная пастораль	102
Юз	104
IX. На научные темы	
Про маляров, истопника и теорию относительности	107
Слава героям	109
«Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат...»	110
X. Заключение	
Мы не хуже Горация	115
«Четверть века в трудах и заботах я...»	117
«Говорят, что где-то есть острова...»	119
Послесловие: «Эрика» берет четыре копии...	123

сравнительно недавно и неожиданно для себя, прослушав песни Окуджавы. Однако его творчество в этой области более сюжетно, остро и бескомпромиссно.

~~Принадлежит к поколению сталинских узников. Провел в тюрьмах и сталинских лагерях до 20 лет. После смерти Сталина был реабилитирован. В настоящее время живет в Москве. Принадлежит к кругу либеральной интеллигенции, однако, в силу своего здоровья (пережил два инфаркта и очередной сердечный приступ грозит ему смертью) и пристального внимания к нему органов госбезопасности, не может принимать активного участия в деятельности либеральной интеллигенции.~~

